

„Труд“, 18 декабря 1969?

ДЕТСКИМ ТЕАТРАМ СТРАНЫ — 50 ЛЕТ

ТЕАТР НАШИХ ДЕТЕЙ

С ПЕРВОГО дня рождения детский театр — на передовой линии духовного воспитания нового поколения. И хотя ему исполнилось только полвека, детский театр уже признан и как серьезная творческая система. Многие детские театры успешно соревнуются с самыми признанными «взрослыми» театрами. Актеры и режиссеры «тюзов» — в ряду ведущих мастеров страны. Признание советского детского театра обрело международный масштаб, у нас серьезный художественный авторитет не только дома, но и за рубежом.

Детскому театру — пятьдесят, но он все еще юный и перед ним все еще много проблем, вопросов. И главный из них — кто же наш зритель? Кто он и какой? Конечно — дети. И все-таки это не ответ, ибо зрители нашего театра — это и наивные неискушенные второклассники и уже зрелое юношество. Но и те, и другие живут в мире взрослых, а уж как изменчив этот мир в наше бурное время, говорить не приходится. Ничто и никто не может стоять сегодня на месте, а тем более дети, даже самые маленькие. И театр должен не только поспевать за ними, но и опережать их.

Именно поэтому даже маленьким необходимы спектакли, которые были бы интересными и для взрослых. Нет искусства для несмышленишей и для умудренных. Есть искусство! И если детский театр силен в спектаклях для маленьких, то только тогда он способен на искусство для старших. Иные педагоги уверенно заявляют: «Этого дети не поймут». А вот чего этого? Языка театра? Но ведь именно младший зритель, благодаря непредвзятости легко «условливается»

с театром и отзывчив на любую театральность. Хоровод девушек в голубых сарафанах он без труда принимает за море в спектакле «Сказки Пушкина», а танец Ивана и Конька-Горбунка — за полет над горами и лесами.

Мы часто умиляемся бурной реакцией, взрывами смеха, возбужденными выкриками — внешне активному поведению ребят на спектакле. Но именно в атмосфере массового возбуждения рождается стандарт — может быть, самый опасный враг эстетического воспитания.

Сказка для школьника — это уже нечто большее, чем сказка раннего детства. В ней важно преподавать первые нравственные уроки жизни и первые уроки любви и ненависти. Но примитивное, обезоруженное зло и сахарное добро не могут воспитать серьезного отношения к добру и злу. Сюсюканье балует и принижает ребят. А серьезно говорить надо уже и с маленькими. И особенно с подростком — он самый массовый зритель детского театра.

Мне кажется, что мы тормозим развитие подростка, когда идем на поводу его привычек и привычного отношения к нему. Мы потакаем его недостаткам и не ведем его, а подлаживаемся под него. Пора с подростком говорить серьезно и сложно, конечно, не забывая, что этот разговор должен быть интересным, увлекательным. Но именно в спектакле для подростка мы часто перестаем быть серьезными, тонкими, а значит, и содержательными. Вся энергия уходит на то, чтобы угодить, развлечь, позабавить зрителя. Если мы хотим, чтобы подросток нам поверил и чтобы спектакль вошел в его биографию,

мы должны быть на уровне искусства.

В спектаклях для подростка театр не может ограничиваться только темой. Необходимы проблема, злободневный вопрос, который бы ставился, и ответ на него не был бы однозначным. Детский театр заставляет зрителя думать и на спектаклях о героическом прошлом — «Именем революции», «Олеко Дундич», «Гибель эскадры», и когда он показывает классику или пьесу о сверстниках. Сознание и воображение подростка должны на спектаклях постоянно работать: он учится жизни, а не думая, этому не научишься. Воспитание общественного сознания — осознание себя ответственным членом общества, гражданином — лежит в основе нравственного воспитания, и оно не противопоставлено воспитанию героической личности.

Старшеклассники склонны считать, что детский театр уже для них мал, что они выросли из него. Вывод поспешен. Разве взрослый театр, даже самый хороший, занят проблемами и сомнениями, радостями и огорчениями старшего школьника? У взрослого театра свои заботы, у него свой зритель, взрослый театр не обязан учитывать запросы и возможности семнадцатилетних. А мы это делаем и потому необходимы юношеству. И огорчительно, когда иные молодые люди в погоне за сомнительной зрелостью отворачиваются от своего театра, который может помочь им разобраться в самом главном, насущном. Наверное, это происходит потому, что мы не помогаем им стать взрослыми.

Молодые люди — наиболее активные и беспокойные члены общества. Их гражданская возмужанность, чувство права требуют серьезных нравственных и политических уроков. Умолчанием и полуправдой нельзя готовить их к жизни, в которой им предстоит не только благоденствовать, но и бороться за чистоту наших рядов, принципов, идеалов. Инфантильность проявляется в неподготовленности к суровым условиям жизни, в запоздалой неискренности. Она начинается в детстве и укрепляется в юности и опасна тем, что может сделать ребят глухими к гражданскому долгу.

А мы грешим зачастую назидательностью, забываем, что мы хоть и театр педагогический, но театр прежде всего. В искусстве мораль не может быть этикеткой или сентенцией, примитивным выводом, который и выводить не надо, ибо он на поверхности. Смысл пронизывает подлинное произведение искусства насквозь — мы же, загипнотизированные «педагогичностью», не доверяя возможностям зрителя (даже стар-

шего), порой торопимся поскорее выкрикнуть: «Вот в чем мораль!», боясь, чтобы наши «неискушенные» дети не сбились вдруг с нужного нам фарватера.

В сказке «Маленький принц» Экзюпери удачно заметил: «...Взрослые никогда ничего не понимают сами, а для детей очень утомительно без конца им объяснять и растолковывать... Мой друг никогда мне ничего не объяснял. Может быть, он думал, что я такой же, как он. Но я, к сожалению, не умел видеть барашка сквозь стенки ящика. Может быть, я похож на взрослого. Наверное, я старею».

Если допустить, что мы действительно знаем, понимаем, сочувствуем ребятам, любим их, то трудно скрыть, что все-таки старших мы выделяем и явно предпочитаем остальным. И может быть, здесь начало измены детству и детскому театру. Только равное уважение и серьезное, возмужанное отношение ко всем — трудным и легким, умным и нет, маленьким и взрослым зрителям дает нам право считать себя воспитателями Детства.

Детский театр — это театр четырех школьных возрастов. Театр младших невозможен как истинный серьезный театр без связи и влияния на него остальных. Четырехступенчатый театр — это значит одна ступень ведет к другой, и какая из них важнее — трудно сказать. Эту целостность и неделимость надо понять нам, родителям и педагогам. Именно в ней неповторимость нашего театра.

Знание детей — не только профессиональный, но и гражданский долг артиста детского театра. А ведь гражданский долг — это ответственность гражданина за общество, за его членов. Ответать — значит делать общество, его граждан еще совершеннее. Это чувство свойственно актерам и режиссерам любого театра, но у нас оно должно быть особенно острым, так как в нашем театре формируется будущая личность, человек будущего.

И сегодня при всех несомненных достижениях детского театра мы думаем о том, как нам завтра говорить с детьми, как лучшим образом выполнить свой творческий и гражданский долг перед Родиной и Детством.

З. КОРОГОДСКИЙ,
главный режиссер Ленинградского ордена Ленина театра юных зрителей, заслуженный деятель искусств РСФСР.

□ □

На снимке: сцена из спектакля «Конек-Горбунко» в Ленинградском театре юных зрителей. Этот спектакль идет в театре с 1922 года.

